

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА: А. Ф. ЛАБЗИН И “СИОНСКИЙ ВЕСТНИК”

Copyright © 2004, В. В. Кучурин

В. В. Кучурин

докторант
Республиканского
гуманитарного института
Санкт-Петербургского
государственного университета

Научный консультант
д. ист. наук, проф. А. В. Гоголев-
ский

Vladimir V. Kuchurin

Статья посвящена деятельности А. Ф. Лабзина в связи с подготовкой и изданием религиозно-нравоучительного журнала «Сионский вестник», которому принадлежит важное место в истории эзотерической традиции в России начала XIX в. Работа основана на новых архивных материалах — письмах А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу, которые ранее не использовались исследователями ■

Materials for study of esoteric tradition in Russia in the beginning of XIX century: A. F. Labzin and “Sionskii Vestnik”

The article is devoted to activity of A. F. Labzin in connection with preparation and issuing religious — moralizing journal «Sionskii Vestnik», which possesses the important place in history esoteric tradition in Russia in the beginning of XIX century. The work is based on new archival materials — the letters A. F. Labzin to D. P. Runich, which were not used by the contributors earlier ■

В конце XVIII—начале XIX вв. Россия пережила необычайное увлечение всякого рода квазимистическими, а точнее говоря, теософскими и эзотерическими учениями¹. Как правило, интерес к подобным учениям наблюдается в периоды социальных ломок и катаклизмов, когда рушатся устойчивые идеалы, когда старые парадигмы уже не задают человеку устойчивой системы видения мира, в соответствии с которой он мог бы успешно осуществлять свою жизнедеятельность². Именно таким переходным периодом и был рубеж веков, сопровождавшийся грозными и трагическими событиями. В этих условиях в дворянском образованном обществе утверждаются новые идеалы и ценности. Духовно ищущая часть русского дворянства (и вообще образованного русского общества), будучи слабо знакома с наследием православной традиции, с одной стороны, и пресытившись материалистическими и атеистическими идеями — с другой, обратилась к теософским и эзотерическим учениям. При этом в ряде случаев обращение к эзотерике было следствием стремления элитарной части русского общества приобрести нетрадиционные формы духовно-идеологического влияния на других людей, к невидимой власти, к получению специфического эмпирического опыта. Кроме того, обращение к эзотеризму не требовало радикального отрицания церковности. Русские адепты

тайного знания в большинстве своем рассматривали свои организации как дополнение к официальной Церкви. Они были в той или иной степени церковными людьми, но не были вполне удовлетворены официальным богословием. На теософские и эзотерические учения они смотрели как на истинное христианство.

Становление эзотеризма в России приходится на последнюю треть XVIII в., а в первой четверти следующего столетия уже наблюдается его необыкновенный расцвет. В это время, по справедливому замечанию М. О. Гершензона, он «царствовал всюду и его влияние падало на литературу, педагогику, живопись, архитектуру». Это «было настоящее, могучее общественное движение, равно увлекавшее и наивные, и просвещеннейшие умы»³. Последователей было много. Но среди них одним из наиболее значительных являлся А. Ф. Лабзин⁴. К эзотерическому движению он примкнул еще в период учебы в Московском университете под влиянием известного мистика-масона И. Г. Шварца, которому он был обязан всем своим мировоззрением. После закрытия московских масонских лож А. Ф. Лабзин переехал в Петербург. Перед отъездом его из Москвы с ним произошел случай, в котором он видел особое проявление Промысла, направляющего его по пути проповеди, для поднятия упавшей религии. Беседуя с

одним неверующим, А. Ф. Лабзин с одного раза обратил его на путь истины и при том с такою убедительностью, что тот возненавидел все земное, выразил желание отдать все свое имение наставнику и уйти в монастырь. «Происшествие сие, — говорит сам А. Ф. Лабзин, — случилось совсем неожиданно, когда ни обращенный, ни обратитель ни малейшаго не имели о том намерения и когда они вместе были в бане. Оно так поразительно было для самого действующего лица, что он снова подтвердил обет свой, и при сем невольно как-то вырвались у него слова молитвы: «не ввери мя человеческому предстательству»; и потому он тут же дал обещание предаться так воле Вышняго, чтобы не только не искать ничего земного, но ниже искать чьего-либо покровительства; и случай сей представился ему такою святынею, что он не только не усомнился отречься от предложения своего приятеля, но не захотел принять ни малейшаго от него за то воздаяния, ниже какой другой услуги⁵. Однако время для пропаганды эзотерических учений было неблагоприятное. Лишь с начала XIX столетия он развернул активнейшую литературную и религиозно-просветительскую деятельность, благодаря которой он стал одним из главных деятелей русского эзотерического движения начала XIX в. В частности, с 1801 г. А. Ф. Лабзин начал издавать книги мистического содержания, в которых видел могучее средство для распространения в обществе истинных, по его мнению, знаний и понятий о «внутренней» церкви. Среди них сочинения К. Эккартсгаузена «Путешествие младаго Костиса от Востока к Полудню» (СПб, 1801), «Важнейшие иероглифы для человеческого сердца» (СПб, 1803), «Наставление мудраго испытанному другу» (СПб, 1803), «Облако над святилищем, или нечто такое, о че гордая философия и грезить не смеет» (СПб, 1804), «Ночи, или беседы мудраго с другим» (М., 1804), «Ключ к таинствам природы» (СПб, 1804). Кроме того, А. Ф. Лабзин издавал сочинения Ю. Штиллинга «Приключения по смерти» (СПб, 1805), Пуарата «Просвещенный пастух, или духовный разговор одного благочестиваго священника с пастухом, в котором открываются дивныя тайны божественной и таинственной премудрости, являемой от Бога чистым и простым душам» (СПб, 1806) и многие другие.

Успех этих изданий среди любителей мистических сочинений, с одной стороны, а с другой — сознание необходимости бороться с книгами «соблазнительными и развратными» побудили А. Ф. Лабзина предпринять издание «христианского журнала». В истории русского эзотерического движения «Сионский вестник» занимает очень важное место. Исследователи не без оснований считают этот журнал главным и наиболее выразительным органом русского эзотеризма, по которому всего удобнее и даже полнее можно изучать все отличительные стороны последнего⁶. Но литература, посвященная истории

«Сионского вестника» немногочисленна⁷. А что касается фактов и обстоятельств, относящихся к работе над журналом и его закрытию в 1806 г., то они вообще остаются малоизвестными. В связи с этим огромный интерес представляют письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу, хранящиеся в ОР РНБ⁸. Они охватывают значительный период жизни известного религиозного издателя, писателя и журналиста. Письма весьма информативны и содержательны. Они раскрывают самые разные стороны жизни и творчества А. Ф. Лабзина, в том числе позволяют реконструировать историю подготовки и издания «Сионского вестника» в 1806 г.

Судя по письмам, желание заняться религиозной журналистикой оформилось у А. Ф. Лабзина к осени 1805 г.⁹ К этому времени «он заручился обещанием старшаго цензора И. О. Тимковского содействовать его предприятию. Зная, как много хлопот может представиться им, они рассчитывали «на благость правительства и свободу, которую дарует оно умам и сердцам», и полагали, что «опасение, в другое время основательное, ныне будет уже излишнее; что всякому дозволено приносить пользу своим соотчичам, чем кто может; что в христианской нации христианину о христианстве разсуждать и говорить можно, и разве против онаго, а не в пользу онаго, писать возбранено быть может»¹⁰. Тем не менее, боясь встретить препятствия в издании журнала со стороны духовной власти и духовной цензуры, А. Ф. Лабзин добился того, что получил разрешение печатать его с разрешения цензуры гражданской, и того, что цензуровать это издание был назначен И. О. Тимковский¹¹.

С самого начала работы было много. Требовалось анализировать большое количество религиозной литературы, переводить многочисленные сочинения западноевропейских религиозных писателей. Как указывал сам А. Ф. Лабзин, «журнал требует <...> около 3 листов печатных каждую неделю, следовательно, листов 10 письменных в неделю»¹². Однако помощники работали медленно. Значительные трудности доставляли и типографские работники. Поэтому А. Ф. Лабзин, обеспокоенный судьбой своего детища, вынужденно брал значительную часть подготовительной работы на себя. В письме Д. П. Руничу он писал: «Я принужден и переписывать для них сам, с отделением каждой литеры и с правильным ее изображением, дабы С не брали за Е, и Ю за (ять); а как все требует скорости при том; кому же это дать, то все идет в долгий ящик, то поневоле переписываешь сам. Я смело могу сказать, что я не только пишу, но и переписываю больше, нежели все мои брр. вместе»¹³. Кроме того, остро вставали финансовые проблемы, так как журнал требовал более 3000 рублей. В отчаянии А. Ф. Лабзин восклицал: «Сии деньги хоть роди, помощников нет»¹⁴. Правда, еще оставалась надежда «набрать подписчиков побольше, чтоб хоть не вовсе разориться». По расчетам

А. Ф. Лабзина, «на журнал надобно чтоб подписалось не менее 400 человек, дабы он не в убыток был»¹⁵.

Впрочем, несмотря на трудности, работа продвигалась. В конце октября 1805 г. А. Ф. Лабзин уже подготовил «prospectus о Журнале»¹⁶. А к началу декабря появились и первые подписчики. Помог И. В. Лопухин, который заказал себе 10 экземпляров и прислал А. Ф. Лабзину 400 руб. Кроме того, по его рекомендации епископ Калужский Феофилакт подписался еще на 30 экземпляров¹⁷. Однако в Петербурге в связи с предстоящим выходом «Сионского вестника» ажиотажа не наблюдалось. Так, из письма Д. П. Руничу от 5 декабря 1805 г. узнаем, что здесь удалось собрать лишь 100 рублей¹⁸. В этой ситуации А. Ф. Лабзин был крайне взволнован. Но в уныние не впадал. Ведь, пусть медленно, но подписка на журнал продолжалась. И к середине декабря подписалось еще несколько человек, среди которых были князь И. С. Гагарин и несколько неизвестных. Всего 4 человека. Конечно, особого удовлетворения это не доставляло, поэтому А. Ф. Лабзин в очередном письме Д. П. Руничу вполне справедливо негодовал на своих знакомых, которых упрекал в желании получить журнал даром. С другой стороны, отдельные подписчики вызывали у него волнение и беспокойство. Примером тому — появление среди подписчиков графа В. П. Кочубея, бывшего, как известно, министром внутренних дел. Проявлявший особую осторожность А. Ф. Лабзин был этому «и рад и не рад»¹⁹.

Между тем, к концу декабря первый номер журнала был уже готов. О чем А. Ф. Лабзин не замедлил сообщить Д. П. Руничу в письме от 26 декабря 1805 г., в котором писал: «Продолжая посылки мои на твое имя, с завтрашнею почтою препровожу я опять к тебе кипу, состоящую из первых месяцев Сионского Журнала Г-на Мисаилова. За раздачею будущих там экземпляров по подписям, да остальные отдай в газетную экспедицию для рассылки подписавшимся, которых число так мало, что и то количество, которое я теперь посылаю, очень велико. Но если бы случилось, чтоб по выходе сего первого месяца стали являться охотники, и экземпляров присылаемых не достало: то я прошу обирать у моих знакомых, которые тотчас опять их получают. Я полагаю, что вы Январь получите в самый день нового года: он и здесь не выйдет прежде, как для знакомых 1-го, а для незнакомых из лавки 2 числа. Ф. Мисаилу хочется, чтоб месяцы шли (нрзб.). Между тем у него и февраль почти уже готов»²⁰. Это отвлекало от дурных мыслей. Оптимизма прибавилось. А. Ф. Лабзин продолжал работать с завидным энтузиазмом. В течение января он сделал февральский номер «Сионского вестника» и послал его Руничу, одновременно интересуясь тем, как приняли журнал в Москве²¹. В связи с этим А. Ф. Лабзин настойчиво просил Д. П. Руничу сообщить ему что-нибудь на этот счет. Судя по всему, известия из Москвы

были положительными²². Интерес к журналу возрос, что, конечно, вдохновляло А. Ф. Лабзина на дальнейшую работу. В течение февраля он подготовил мартовский номер, о котором писал: «Каков то покажется нашим Март? В нем пиесы все вальжные, между прочим помещена пиеса и вами переведенная. Если и Март с рук сойдет, то победа Мисаилова будет совершенная, complete, хоть и теперь он одержал славную над сопостатом»²³. Надежды оправдались. Успех был полный. И А. Ф. Лабзин больше не стеснялся давать высокие оценки своему детищу. Так, он не без гордости писал о том, «что такого христианского журнала и у немцов (у французов никогда и не бывало) не было», и поэтому он «может составить, и уже составляет, эпоху в моральном ходе нашего Отечества»²⁴.

Но радоваться оставалось недолго. Над журналом уже нависла угроза закрытия. Ведь, правительство было тогда еще чуждо позднейшего своего мистического увлечения. Оно смешивало мистиков с иллюминатами, о которых говорили с ужасом, как о злейших революционерах и нисколько с ними не церемонилось. Например, поляка Грабянку, проповедовавшего в Петербурге новое иерусалимское царство и увлекавшего своим вдохновенным вздором множество представителей знати, арестовали²⁵. А вновь вышедший перевод сочинения Ю. Штиллинга «Тоска по отчизне» запретили²⁶. Стоит ли удивляться, что в подобных условиях в марте был поднят и вопрос о «Сионском Вестнике» и после долгого многомесячного разбирательства журнал был закрыт 1 сентября 1806 г.

Примечания

¹ Об эзотерической традиции в России на рубеже XVIII—XIX вв. см.: Терновский Ф. Материалы для истории мистицизма в России (Записки К. А. Лохвицкого) // ТКДА (труды Киевской духовной академии). 1863. Т. 3. С. 161–203; Галахов А. Д. Обзор мистической литературы в царствование императора Александра I // ЖМНП. 1875. № 11. С. 87–175; Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916 (нов. изд. СПб., 2000); Виноцкий И. Ю. Николай Гоголь и Угроз Световостоков (К истокам «идеи ревизора») // Вопросы литературы. Сентябрь—октябрь. 1996. С. 167–194; Вишленкова Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань, 1997; Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб., 1998; Федоров А. А. Европейская мистическая традиция и русская философская мысль (последняя треть XVIII— первая треть XIX века). Нижний Новгород, 2001.

² Курносоев Ю. В. Эзотеризм как культурно-исторический феномен: Автореф. . . канд. философ. наук. М., 1997. С. 24.

³ Гершензон М. О. Чаадаев. М., 2000. С. 32.

⁴ О жизни и творчестве А. Ф. Лабзина см.: Бессонов П. А. Ф. Лабзин: (Литературно-биографический очерк) // Русский архив. 1866. № 6; Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты: (А. Ф. Лабзин и его журнал «Сионский вест-

- ник») // Русская старина. 1894. № 9–12; 1895. № 1–2; *Державин Н. А.* «Ученик мудрости»: (А. Ф. Лабзин и его литературная деятельность) // Исторический вестник. 1912. № 7; *Модзалевский Б. Л.* Александр Федорович Лабзин. СПб, 1904.
- ⁵ Сионский Вестник. Письмо издателя «Сионского Вестника» А. Ф. Лабзина к Н. Н. Новосильцеву // Русский архив. 1908. Кн. 2. № 7. С. 36.
- ⁶ См.: *Галахов А. Д.* Обзор мистической литературы в царствование императора Александра I // Журнал министерства народного просвещения. 1875. № 11. С. 94.
- ⁷ См.: *Бессонов П. А.* Ф. Лабзин: (Литературно-биографический очерк) // Русский архив. 1866. № 6; *Дубровин Н. Ф.* Наши мистики-сектанты: (А. Ф. Лабзин и его журнал «Сионский вестник») // Русская старина. 1894. № 9–12; 1895. № 1–2; *Державин Н. А.* «Ученик мудрости»: (А. Ф. Лабзин и его литературная деятельность) // Исторический вестник. 1912. № 7.
- ⁸ ОР РНБ. Ф. 656. Д. 22.
- ⁹ Там же. Л. 73 об.
- ¹⁰ *Модзалевский Б. Л.* Александр Федорович Лабзин. С. 20–21.
- ¹¹ Там же. С. 21.
- ¹² ОР РНБ. Ф. 656. № 22. Л. 75.
- ¹³ Там же. Л. 75 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 75.
- ¹⁵ Там же. Л. 75.
- ¹⁶ Там же. Л. 80 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 87 об. — 88.
- ¹⁸ Там же. Л. 88.
- ¹⁹ Там же. Л. 90.
- ²⁰ Там же. Л. 95.
- ²¹ Там же. Л. 103.
- ²² Там же. Л. 104.
- ²³ Там же. Л. 109 об. — 110.
- ²⁴ Там же. Л. 114–114 об.
- ²⁵ О Грабянке см.: *Лонгинов М. Н.* Один из магигов ХУШ века // Русский вестник. 1860. Т. 28. Кн. 1–2. С. 579–603.
- ²⁶ См.: *Лубяновский Ф. П.* Воспоминания // Русский Архив. 1872. Вып. 3–4. Стб. 488–491.

■ Поступила в редакцию 5 мая 2004 года; в окончательном варианте 13 июня 2004 года.